

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

Женщины

Любовь
коротко

Москва

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

Женщины

Любовь
коротко

Москва

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7
Ж41

Художественное оформление
Алексея Дурасова

Жванецкий, Михаил Михайлович.
Ж41 Женщины. Любовь коротко / Михаил Жванецкий. —
Москва : Эксмо, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-04-214654-1

Впервые под одной обложкой два сборника Михаила Жванецкого «Женщины» и «Любовь (коротко)».

Здесь много разных женщин и любви. Здесь путь к познанию и мудрости, путь веселый, а иногда пронзительно грустный.

Юмор — самая притягательная грань таланта Михаила Жванецкого. Его смех — покров вечных вопросов и горьких истин, над которыми человек не может не задумываться.

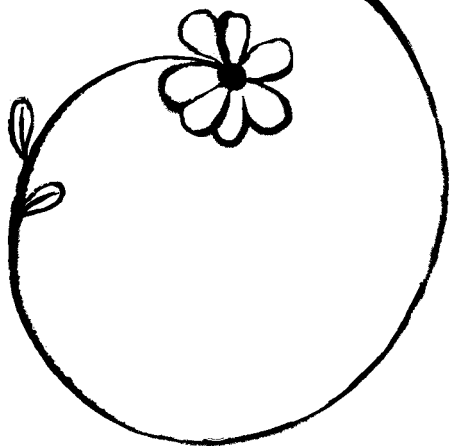
Ведь все, о чем пишет и говорит Михаил Жванецкий, — это наша жизнь. А кто еще умеет так о ней сказать?

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

ISBN 978-5-04-214654-1

© М. Жванецкий, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Женщины

Здравствуйте!

Пишет вам автор. Здесь много женщин под одной обложкой. Давно хотел их отобрать и собрать. Женские характеры:

«Всегда!»

«Иногда!»

«Никогда!»

«Может быть!»

Они решают за троих: отца, себя и ребёнка.

Вначале притягивают.

Потом удерживают.

Вначале обжигают.

Потом согревают.

Здесь знакомые вам незнакомые, то есть лучшая компания, когда, опираясь на одних, завоёвываешь остальных.

Моих женщин мне помогли собрать: сборщик Александр Сысоев из Нижнего Тагила, который много лет наблюдает за усилиями, и дорогие мне москвичи Катя Герасичева и Вадим Беляев.

Пусть для вас звучит мой голос и светит внешний вид.

Всегда неподалёку...

СВОБОДНАЯ

в городе не могу. Я хочу улицу на красный свет переходить. Я должна перебегать там, где я хочу. Я не могу ждать открытия парка или сезона, я должна делать то, что я хочу. Неужели это непонятно? Я не могу жить среди переходов, перекрёстков, звонков, свистков, ограждений.

Ну, дерево стоит. Оно же такое, как я. Почему его охраняют, а меня нет? Я не могу с восьми до пяти. Я не могу по звонку бежать на работу, я должна бежать, когда я хочу.

Мне девятнадцать. Я росла на берегу, на камнях. Я бегала с мальчиками. Я не хотела учить музыку, потому что я не могу сидеть. Я и так пою, зачем мне рояль? И бегаю босиком. Я должна бегать там, где я хочу. Я должна жить там, где я хочу.

Мы птиц охраняем, чтобы они летали, где хотят. Как же мы человеку говорим: живи здесь, ходи туда, здесь не ходи, здесь не лежи, здесь не пой. Вы меня извините, я в городе не могу.

Приезжайте в Батуми, пойдёте по дороге на Михенджаури, зайдите в лес и крикните: «Диана!» — и я выйду!

НАША!

В

се кричат: «Француженка, француженка!» — а я так считаю: нет нашей бабы лучше. Наша баба — самое большое наше достижение. Перед той — и так, и этак, и тютю-мутю, встал, сел, поклонился, романы, помолвки... Нашей сто грамм дал, на трамвае прокатил — твоя.

Брак по расчёту не признаёт. Что ты ей можешь дать? Её богатство от твоего ничем не отличается. А неприязательная, крепкая, ясноглазая, выносливая, счастливая от ерунды. Пищу сама себе добывает. И проводку, и извёстку, и кирпичи, и шпалы, и ядро бросает невидимо куда. А кошёлки по пятьсот килограммов и впереди себя — коляску с ребёнком! Это же после того как просеку в тайге прорубила. А в очередь поставь — держит! Англичанка не держит, румынка не держит, наша держит. От пятерых мужиков отобьётся, до прилавка дойдёт, продавца скрутит, а точный вес возьмёт.

Вагоновожатой ставь — поведёт, танк дай — заведёт. Мужа по походке узнаёт. А по тому, как ключ в дверь вставляет, знает, что у него на работе, какой хмырь какую гнусность ему на троих предложил. А с утра — слышите? — ду-ду-ду, топ-топ-топ, страна дрожит: то наши бабы на работу пошли. Идут наши святые, плоть от плоти, рёбрышки наши дорогие. Ох,

эти приезжают — финны, бельгийцы, новозеландцы. Лучше, говорят, ваших женщин в целом мире нет. Так и расхватывают, так и вывозят богатство наше национальное. В чём, говорят, её сила — она сама не соображает, какая она. Любишь дурочку — держи, любишь умную — изволь. Хочешь крепкую, хочешь слабую...

В любой город к нему едет, потерять работу не боится. В дождь приходит, в пургу уходит. Совсем мужчина растерялся и в сторону отошёл. Потерялся от многообразия, силы, глубины. Слабше значительно оказался наш мужчина, значительно менее интересный, примитивный. Очумел, дурным глазом глядит, начальство до смерти боится, ничего решить не может. На работе молчит, дома на гитаре играет. А эта ни черта не боится, ни одного начальника в грош не ставит. До Москвы доходит за себя, за сына, за святую душу свою. За мужчин перед мужчинами стоит.

Так и запомнится во весь рост: отец плачет в одно плечо, муж в другое, на груди ребёнок лет тридцати, за руку внук десяти лет держится. Так и стоит на той фотографии, что в мире по рукам ходит, — одна на всю землю!

ЖЕНСКИЙ ЯЗЫК

 сё очень просто, если понимаешь женский язык. Едет женщина в метро. Молчит. Кольцо на правой руке — замужем. Спокойно, все стоят на своих местах. Кольцо на левой — развелась. Два кольца на левой — два раза развелась. Кольцо на правой, кольцо на левой — дважды замужем, второй раз удачно.

Кольцо на правой и серьги — замужем, но брак не устраивает.

Два кольца на правой, серьги — замужем, и есть ещё человек. Оба женаты. Один на мне. Оба недовольны жёнами. Кольцо на правой, одна серьга — вообще-то я замужем... Кольцо на левой, кольцо на правой, серьги, брошь — работаю в столовой. Тёмные очки, кольца, брошь, седой парик, платформы, будильник на цепи — барменша ресторана «Восточный». Мужа нет, вкуса нет, человека нет. Пьющий, едящий, курящий, стоящий и лежащий мужчина вызывает физическое отвращение. Трёхкомнатная в центре. Четыре телефона поют грузинским квартетом. В туалете хрустальная люстра, в ванной белый медведь, из пасти бьёт горячая вода. Нужен мужчина с щёткой, тряпкой и женской фигурой.

Ни одной серьги, джинсы, ожерелье из ракушек, оловянное колечко со старой монеткой, торба

через плечо, обкусанные ногти, загадочные ноги: художник-фанатик, откликается на разговор о Ферапонтовом монастыре. Погружена в себя настолько, что другой туда не помещается...

Бриллианты, длинная шея, причёска вверх, разворот плеч, удивительная одежда, сильные ноги — балет Большого театра. Разговор бессмыслен. «Вы пешком, а я в «Мерседесе». Поговорим, если догонишь...»

Кольцо на правой, гладкая причёска, тёмный костюм, белая кофта, папироса «Беломор» — «Что вам, товарищ?..».

Кольцо на правой, русая гладкая головка, зелёный шерстяной костюм, скромные коричневые туфли и прекрасный взгляд милых серых глаз — твоя жена, болван!

СОРОКОВЫЕ

Общество наше, не то, в котором мы все состоим, а то, которое образуем, было подвергнуто тщательно наблюдению. Там обнаружено появление одиноких личностей сороковых с лишним годов. Эти люди, куда со всей силой входят женщины, пытаются вести беседы, затрагивающие вопросы политики, жалуются на сердце, тоску, вздыхают часто, смотрят наверх, не могут подать себе чашку чая. При появлении молодых женщин проявляют некоторую озабоченность, оставаясь неподвижными.

Глубокое недоумение вызывает внезапно затанцевавший сороковик.

Женщина-сорокапятка одинока, полногруда, золотозуба, брошиста, морщевата, подвижна. Легко идёт на контакты, если их разыщет. Танцует много, тяжело, со вскриком. Падает на диван, обмахиваясь. Во все стороны показывает колени, ждёт эффекта. В этой среде особенно популярны джинсы, подчёркивающие поражение в борьбе с собственным задом, женитьба на молодых, стремительно приближающая смертный час, и тост за здоровье всех присутствующих. Второй тост — за милых, но прекрасных дам — предвещает скучный вечер со словами: «А вам это помогает?.. Что вы говорите?..»

Романы сорок плюс сорок небольшие, честные, с двухнедельным уведомлением.

А в основном это люди, смирившиеся с одиночеством, твёрдо пропахшие жареным луком, и только не дай бог, если телефон откажет или будет стоять далеко от кровати...

КАКОЙ ВЗРОСЛЫЙ МУЖЧИНА...

Какой взрослый и крепкий мужчина не любит уйти в лес и полежать на траве?! Какой взрослый и крепкий мужчина не любит поплакать в тёплую шею, в тёплое родное плечо, в то самое место, созданное для мужских слёз?! Давят, давят перчатки. Тесен мне, тесен так плотно облегающий меня мир. Ещё немножко дай мне сил — я опять ринусь туда. Возвращаюсь, опалённый снаружи, раскалённый внутри, и припадаю.

Наши милые женщины, выращенные в небольшом объёме двухкомнатных квартир! Как бы хотелось, чтобы у вас было всё хорошо, чтобы наша могучая промышленность перестала рыть ходы под нами, а немножко поработала на вас. Чтобы мощные станы Новокраматорского завода выпускали нежные чулочки, такие скользкие и безумные, когда в них что-то есть. Чтобы перестал страшно дымить Липецкий химкомбинат, а выпустил очень вкусную блестящую помаду, делающую губы такими выпуклыми и желанными, и чтобы грохочущий и вспыхивающий по ночам УЗТМ полностью перешёл с бандажей товарных вагонов на тончайшие колё и ожерелья. Меньше дыма — больше толка. И на Кольском полуострове

перестали бы наконец ковыряться в апатитах и выпустили духи, от которых все мужчины стали мужчинами и побледнели. И тогда наша маленькая и удивительная женщина не будет тратить столько сил на добычу и украшение самой себя. И из глаз у неё исчезнет большая озабоченность. И красота некоторых не будет стоить их мужьям такого длинного срока, а мозоли на лучших в Европе ногах пропадут вместе с теми сапогами, за качество которых мы так боролись. А мускулы останутся только у гимнасток. И мы будем смотреть на них и радоваться, что это не наша жена там кувывается, мелькая широкими плечами и стальным голеностопом. А наша — здесь, ароматная, нежная, слушающая внимательно про всё безумие борьбы за технический прогресс и езды в переполненных автобусах. Должен же дома быть хоть один человек с не помятыми в автобусе боками!

Это и будет равноправие, когда каждый приносит другому всё, что может. Мы же все хотим после работы в лес, на траву.

Пусть этим лесом будет наша жена.

ПОДРУГИ

На углу стоят девять женщин.

Девятая (*прощается*). Девочки, я так рада, что мы наконец собрались. Мы в последнее время так редко собираемся. Я вас приглашаю на следующее воскресенье. Ладно, девочки?! Ну, я пошла... До свидания...

(Восемь женщин смотрят ей вслед.)

Первая. Хорошо, что она нас пригласила. Мы так давно вместе не собирались. Правда, девочки? И как здорово всё было приготовлено. С каким вкусом. Я ела и думала: откуда у неё деньги? В аптеке работает... Это всё яды... Она домой полную сумку ядов тащит. А сейчас за яды бешеные деньги дают: змей не хватает... Эх! Мне б яду!.. Ну, я пошла.

(Семь женщин смотрят ей вслед.)

Вторая. Видели, кофта на ней!.. Муж плавает на пароходе днём и ночью. Никто его не видит. Такие вещи привозит! Класть некуда. Могла бы сказать мне: «Капа! Я вижу, ты смотришь — на. Мы поносили, теперь ты поноси... На!.. Бери!..» Господи, я бы всё

равно отказалась, разве мне нужны эти тряпки. Но она могла бы предложить?! Ну, я пошла...

(Шесть женщин смотрят ей вслед.)

Третья. Отсудила у мужа всё... Выбросила его на улицу голого и босого, там он простудился и слёг. А ещё два диплома имеет, образованная... До свидания, мои любимые!

(Пятеро смотрят ей вслед.)

Четвёртая. Образованная... Уж кто бы говорил, а она б молчала. Сама на свой диплом чайник ставит! А я, между прочим, без диплома и без аттестата — и все со мной советуются. Потому что все меня любят. Правда, девочки?

Все. Конечно, милая...

(Четвёртая уходит. Четверо смотрят ей вслед.)

Пятая. Ей уже сто лет. Водку пьёт, как мужчина, и ничего. Вот что значит организм... Ну, надо идти.

(Пятая уходит. Трое смотрят ей вслед.)

Шестая. Иди, милая, иди... Сама становится всё старше, а мужья всё моложе и моложе... Последний, кажется, в школу ходит. До свидания, девочки.

Двое. До свидания, родная.

(Шестая уходит. Двое смотрят ей вслед.)